

Глава 3. Приют Игривого Дракона

Понуро следуя за Цзан Е, Янь Хуайлин вернулся в постоянный двор и пластом рухнул на кушетку.

Бежать — не выйдет, остаться — немоготу. И как теперь прикажете быть?

Цзан Е, конечно, писанный красавец, но когда ледяная красота в любой момент грозит обернуться смертным приговором, пылать к ней страстью как-то не получается. Сейчас этот гвардеец наверняка настороже: даже если он не станет связывать Яня по рукам и ногам открыто, то уж в тени за каждым шагом присмотрит точно.

Более того, этот человек передвигался бесшумно, а его ауру было невозможно предугадать. Хуайлин не мог поручиться, что сумеет ускользнуть по своим делам, не попавшись ему на глаза. Ситуация складывалась донельзя скверная.

Тяжело вздохнув, Янь Хуайлин уставился на дрожащее пламя свечи. «Пусть Цзан Е и слывет холодным воином, но он ведь не дикий зверь. Если его немного "отогреть", втереться в доверие... со временем он расслабится, и тогда можно будет действовать».

Эта мысль приободрила Хуайлина. Он поднялся и отправился искать своего надзирателя.

Покои Цзан Е располагались на втором этаже. Подойдя к двери, Янь вежливо постучал.

— Что вам угодно, молодой господин Янь?

Для мастера такого уровня распознать человека по шагам — задача пустяковая, так что Хуайлин даже не удивился.

— Коли господин столь настойчиво удерживает меня при себе, не должен ли он взять на себя толику ответственности? — в этих словах сквозило явное кокетство, а Янь лукаво улыбнулся.

Цзан Е открыл дверь лишь спустя долгое время. Лицо его было суровым и неприступным.

— О чем вы, сударь?

Хуайлин почувствовал досаду — метать бисер перед свиньями было и то продуктивнее. Заглянув в комнату гвардейца и небрежно взмахнув раскрытым веером, он проговорил:

— Мне невыносимо скучно. Может, господин составит мне компанию и мы немного побеседуем?

Взгляд Цзан Е напоминал холодный дождь — не слишком резкий, но пробирающий до костей.

— Речь о тайном указе?

«У этого гвардейца в голове одни приказы», — подумал Янь. Ему стало любопытно: если заставить это лицо отразить иную эмоцию, как оно будет выглядеть? Плач, смех... или то, каким этот аскет может быть на ложе страсти? Хуайлин не удержался от двусмысленной ухмылки.

Не подозревая о нечистых помыслах спутника, Цзан Е отрезал:

— Если дело не касается указа, боюсь, я не смогу уделить вам время.

— Пойдите, господин! — Стоило Цзан Е попытаться закрыть дверь, как Хуайлин придержал её остовом веера. — Если вы не станете развлекать меня, я снова пушусь на хитрости, чтобы сбежать. И не говорите потом, что я не предупреждал.

Хуайлин понимал, что сейчас перелома в их отношениях не добиться, но такой осторожный человек, как Цзан Е, не станет рисковать.

Во взгляде гвардейца промелькнула тень обреченности. Промолчав несколько мгновений, он наконец посторонился, пропуская гостя.

Удивившись такой податливости, Янь Хуайлин поспешил войти, пока тот не передумал. Похозяйски устроившись в кресле из черного дерева, он посмотрел на Цзан Е, который даже в комнате не расставался с мечом.

— Есть ли у господина планы на завтрашний день?

— Днем прислужник из аптеки «Чая и Бамбука» упомянул одного человека.

— Вот как? — Хуайлин не помнил, чтобы они заходили в ту лавку. — И кого же?

Тут же он вспомнил: пока он отлучался «по нужде», Цзан Е времени даром не терял.

— У Цянь Чэньцзюня было несколько учеников-лекарей. Старшего зовут Ян Бинхуай. Он живет в этом городе. Завтра мы нанесем ему визит.

— Господин поразительно скор на дела, — Хуайлин задумчиво коснулся края веера. — Неужели вы мне совсем не доверяете? Если бы я не спросил, вы бы и не подумали рассказать.

Голос Цзан Е оставался ровным:

— Я собирался известить вас, но вы решили сбежать под покровом ночи. Не по моей воле это случилось.

Хуайлин ощутил укол неловкости.

— Значит ли это, что теперь господин мне верит?

— Мы случайные встречные. О каком доверии может идти речь?

Слова были правдивы, но резали слух. Янь понимал, что ночная выходка вдребезги разбила те крохи доверия, что могли у него быть, и, к собственному удивлению, почувствовал сожаление.

— И как же мне доказать, что я достоин доверия? — Лицедейство было для Хуайлина привычным инструментом. Если он убедит Цзан Е, что смирился со своей участью, это станет идеальным шансом для настоящего побега.

Цзан Е отвел взгляд, его лицо оставалось холодным, словно высеченным из камня.

— Если молодой господин Янь станет исполнять свой долг, прекратит самовольные действия и полностью посвятит себя выполнению указа, я, несомненно, поверю вам.

«Как всё у него складно», — иронично подумал Янь.

— «Выполнению указа»... А если указ выполнить не удастся?

— Что вы хотите этим сказать?

— Эти записи «Лечебника лекарей Хуа» не имеют надежного источника. Мы с вами — лишь пешки, которыми лингуани убивают время. Вы об этом не думали?

— Если это так, у Цзана не хватит бесстыдства явиться на глаза лингуаню.

От этих слов у Хуайлина внутри похолодело. Глядя на то, с какой торжественной серьезностью это было произнесено... неужели?..

— Лишь Небо и Земля свидетели моей преданности, — Цзан Е медленно положил ладонь на рукоять меча. Его решимость идти до конца заставила Яня мгновенно всё осознать.

Если миссия провалится, он просто лишит себя жизни!

«Безумцы, живущие только ради своих господ!»

Сердце Хуайлина кипело от возмущения, но он остался бесстрастным.

— И как давно господин служит лингуаню Хуа?

Вопрос стал слишком личным. Как и следовало ожидать, ответа не последовало.

— Коль господин хочет, чтобы я всем сердцем предался делу, прошу и вас быть со мной откровенным.

— Какое отношение это имеет к указу?

Янь Хуайлин снова улыбнулся и медленно подошел к нему. Остановившись всего в шаге, он прошептал:

— Мне просто любопытно.

Он знал, что Цзан Е не скажет того, чего не хочет, но если уж заговорит, то не станет лгать. Гвардеец взглянул на него, развернулся и сел на край кушетки.

— Моя жизнь не стоит упоминания.

— Стоит, еще как стоит, — Хуайлин сложил веер и вновь придвинулся к нему, сияя от удовольствия. — Мне же до смерти интересно!

В государстве Дау нравы были традиционными, но на привязанность между мужчинами смотрели сквозь пальцы. Даже если Цзан Е не жаловал «обрезанные рукава», Янь Хуайлин не мог отказать себе в удовольствии подразнить его.

Видя, что на него наступают столь бесцеремонно, гвардеец закрыл глаза, скрестил ноги и принялся медитировать, регулируя дыхание. Хуайлин осекся, его попытка осталась без ответа.

Он принялся разглядывать лицо Цзан Е. Гнев в его душе рассеялся без следа.

«Каков красавец...»

В линиях этого лица суровость сочеталась с пугающей утонченностью. Яню нестерпимо

захотелось протянуть руку и коснуться этих скул. В груди заскребло от любопытства.

— Господину уже есть сорок?

Цзан Е молчал. Хуайлину было двадцать пять, и заигрывать со старшим по званию и возрасту было верхом неприличия, но он просто не мог обуздать свою натуру «безумного мотылька».

— Поговаривают, вы были подле Его Величества еще при основании Дау. Поистине, великий человек, — Янь намеренно понизил голос и склонился к самому лицу Цзан Е. Их разделяло лишь пол-локтя. — В те годы вы сокрушали целые армии, оберегая государя, пользовались безграничным почетом... Так почему же внезапно скрылись в лесах?

Цзан Е не открывал глаз и не отвечал. Хуайлин не выдержал и протянул руку, желая коснуться этого лица, но не успели кончики его пальцев приблизиться, как от медитирующего воина хлынула волна жара, буквально отбросившая его прочь.

Цзан Е мгновенно открыл глаза и без колебаний указал на дверь:

— Прошу вас, уходите.

Яню и раньше случалось встречать холодных красавиц, не принимавших его ухаживаний, но он никогда не горел желанием преследовать их до конца — разве что получал тайное удовольствие от их недовольства. Сегодня всё было иначе.

Аура Цзан Е, подобная ледяному клинку, отсекающему всё лишнее, лишь распалила в Хуайлине жажду покорения. Он не разозлился, напротив — подтянул кресло поближе и уселся прямо напротив гвардейца. Подперев подбородок рукой, он принялся обмахиваться веером, разглядывая собеседника, словно драгоценное сокровище.

Видимо, Цзан Е никогда не встречал столь назойливых людей. Он долго сидел, нахмурившись и пристально глядя на Яня. Хуайлин, ощущая на себе этот взгляд, испытывал почти физическое наслаждение, и мягко улыбался.

Пока он гадал, вскипится ли гвардеец, обнажит ли меч или станет гнать его прочь суровыми словами, тот внезапно снова закрыл глаза, решив просто игнорировать незваного гостя. Это заставило Яня подавиться собственной ухмылкой.

Он перестал качать веером и уставился на сомкнутые веки мужчины, пытаясь разглядеть за ними тщательно скрываемое смущение. Однако тот сидел неподвижно, словно тяжелый колокол, — казалось, ничто в подлунном мире не способно нарушить его покой.

Хуайлину стало скучно. Подобное упрямство он видел впервые. Выждав еще немного, он поднялся и направился к двери.

Дыхание Цзан Е стало чуть ровнее. Но в то же мгновение аура человека, который только что был у порога, внезапно возникла у самого его лица.

Кто-то потянулся к его волосам.

Цзан Е резко ударил ладонью вниз. Поток воздуха, вызванный этим движением, подбросил его тело в воздух. В то же мгновение его лица коснулся тонкий аромат, а прядь волос у лба мягко занесло за ухо.

Гвардеец вскинул голову, уходя от невидимой руки, которая в остатках ветра пыталась коснуться его. Спустя мгновение он снова опустился на кушетку, как будто ничего не произошло.

Пусть Хуайлин не преуспел до конца, но всё же сумел взволновать волосы Цзан Е потоком воздуха. Он застыл у двери и весело расхохотался:

— А господин Цзан и впрямь оправдывает свою славу!

Цзан Е открыл глаза. В них была лишь неподвижная гладь воды и ни тени радости.

— Раз уж господину так нужен отдых, Янь придет помучить вас завтра.

Не желая больше озорничать, Хуайлин вышел из комнаты и в прекрасном расположении духа вернулся к себе.

На следующее утро, в час змеи, они снова отправились в аптеку «Чая и Бамбука». Прислужник не знал точного адреса Ян Бинхуая, но смог назвать места, где тот часто бывает:

— Приют Игривого Дракона и Терем Игрных Облаков.

Услышав это, Цзан Е лишь нахмурился, но не стал расспрашивать дальше. Янь Хуайлин же не выдержал и расхохотался в голос, согнувшись пополам. На его фоне Цзан Е, стоявший рядом без тени понимания на лице, казался сущим ребенком, не знающим жизни.

Понимая, что этот праведник вряд ли слышал о подобных заведениях, Хуайлин решил поддеть его:

— Господин знает, что это за места?

Цзан Е был честен: он промолчал, но растерянность на его лице говорила сама за себя. Он догадывался, что если эти названия заставили такого повесу, как Янь, так хохотать, то

заведения это явно сомнительные.

Видя, что гвардеец не попадается на крючок, Хуайлин склонился к его уху и вкрадчиво прошептал:

— Господину знакомо понятие «страсти обрезанного рукава»?

Цзан Е остался стоять неподвижно.

— Так вот, «Приют Игривого Дракона» — лучшее место для тех, кто питает подобные склонности.

Гвардеец повернул голову и посмотрел прямо в глаза Хуайлину:

— Вижу, молодой господин Янь весьма сведущ в таких делах.

Янь понял, что его пытаются уязвить, но ничуть не обиделся. В бесстыдстве ему не было равных в поднебесной, так что мелкие уколы его не задевали.

— Не то чтобы очень. Впрочем, если господин всё еще хранит чистоту первозданного ян, прогулка по такому терему пойдет вам на пользу.

Он ожидал, что Цзан Е покраснеет до корней волос, но этот кремень даже бровью не повел.

— А что за место «Терем Игривых Облаков»?

— Петушинные бои, собачьи бега... Обычный вертеп для азартных игр.

Хуайлину очень хотелось увидеть хоть какую-то живую реакцию, но Цзан Е не давал ему такого шанса. Заметив, что тот погрузился в раздумья, Янь снова предложил:

— Может, поделимся?

Цзан Е вскинул на него ледяной взор.

— Господин, я не настолько глуп, чтобы испытывать судьбу дважды. Раз уж я признал поражение, то буду исполнять указ со всем рвением, без задних мыслей.

Видя, что тот всё еще молчит, Хуайлин добавил:

— Даже если я вздумаю улизнуть, с вашим искусством легкости вернуть меня не составит труда.

О чем думал Цзан Е, понять было невозможно, но он, похоже, принял предложение.

— И как вы намерены вести поиски?

— Вы отправитесь в «Приют Игривого Дракона», а я — в «Терем Игрных Облаков», — Янь Хуайлин, словно дождавшись своего часа, сиял от счастья, выдавая эту фразу.

Цзан Е кивнул:

— Хорошо. В час собаки встретимся в постоялом дворе и обменяемся сведениями.

Сказав это, он исчез прежде, чем Хуайлин успел что-либо добавить. Янь лишь покачал головой и усмехнулся:

— Ни капли обаяния.

В Тереме Игрных Облаков было шумно и людно. Хуайлин проторчал там весь день, но так и не увидел даже тени Ян Бинхуая, отчего начал понемногу раздражаться. Однако стоило ему представить, как бедный Цзан Е сейчас мучается в Приюте Игривого Дракона, как на душе становилось светлее.

Наконец спустилась ночь.

Цзан Е не вернулся вовремя, чего Хуайлин и ожидал. В конце концов, Приют Игривого Дракона мало чем отличался от обычного борделя: днем там затишье, а настоящая жизнь начинается после заката.

Напевая под нос и помахивая веером, Хуайлин шел по улице в прекрасном настроении. Ночные переулки утопали в огнях, не уступая в блеске Гуаньчжоу или Муцюаню. Десять ли длинных улиц манили дымкой бумажных фонарей, ароматом вина и цветов. Толпы народа смешивались в пестрый поток, жизнь была ключом.

Янь Хуайлин с наслаждением впитывал ночную атмосферу Инчжоу. Плутая по переулкам и расспрашивая прохожих, он наконец отыскал нужный приют. Окрестности дышали пороком: кварталы красных фонарей, пропитанные духом роскоши и разврата, были видны издалека.

Покрутившись у входа и не заметив Цзан Е, Хуайлин раскрыл веер и с самым благопристойным видом неспешно вошел внутрь.

Хозяином заведения оказался мужчина. Накрашенный гуще любой девицы, он выглядел куда соблазнительнее и изящнее женщин. Разодетый в пышные шелка, он манерно изогнул пальцы и, завидев Хуайлина, расплылся в радушной улыбке.

— Милости просим, господин!

Опытный глаз заправицы сразу определил, что перед ним чужак. Будь этот красавец местным, он бы точно не прошел мимо внимания приюта.

Хуайлин не скрывал любопытства. С полуулыбкой он вошел в залу, внимательно изучая юношей-красавцев, собравшихся на первом этаже. Хозяин семенил следом, то и дело вставляя словечко.

— Какие мальчики по душе господину?

Густой запах дешевых притираний щекотал нос, но Хуайлин и бровью не повел, сохраняя самый приветливый вид.

— Не заходил ли к вам господин в черных одеждах?

— Ой, господин, да у нас тут народу — не протолкнуться! Мужчин в черном за вечер десяток наберется.

Хуайлин окинул взглядом «живой товар» на первом этаже, но Цзан Е среди них не нашел.

«Неужели уже поднялся наверх?»

Эта мысль мелькнула и тут же исчезла. С характером Цзан Е его появление на первом этаже вызвало бы переполох, а не это мирное благоденствие. Конечно, если он уже не нашел Ян Бинхуая...

— Если господину угодно в черном, мы мигом переоденем любого...

— Я жду друга. Если вы не против, я побуду здесь, пока он не придет.

Услышав, что гость собирается привести друга, заправица обрадовался еще больше:

— Конечно-конечно! Располагайтесь, я велю подать вам чаю.

Хуайлин присел в углу. К нему то и дело подходили симпатичные артисты, и он никому не отказывал во внимании: улыбался, перемигивался, травил байки и нес всякую чепуху. При

этом он внимательно прислушивался к разговорам за соседними столиками, надеясь уловить имя Ян Бинхуая.

Спустя несколько чашек чая Хуайлину стало любопытно: то ли Цзан Е не нашел это место, то ли у него другой план. Он уже собрался выйти и оглядеться, как вдруг у дверей раздался залиvistый смех хозяина.

Янь Хуайлин скосил глаза и увидел хмурого Цзан Е, застывшего на пороге, словно одинокая сосна среди бурь. Едва сдерживая смех, Хуайлин пригубил чай и решил не выдавать себя.

Пусть Цзан Е был уже не юношей, но статен он был необычайно. К тому же — хорош собой, широкоплеч, с тонкими бровями и звездами в глазах. Неудивительно, что местные артисты тут же слетелись к нему, едва ли не пытаясь попробовать на вкус. Они редко видели столь благородных и красивых «гостей», а потому не упустили шанса проявить рвение.

Несмотря на окружившую его толпу «нежных цветов», Цзан Е с каменным лицом окинул залу взглядом и быстро приметил пьющего чай Хуайлина. Он хотел было подойти, но путь ему преградили наложники. Завсегдатаи тоже заинтересовались небывалым оживлением, гадая, что это за важная птица в черном.

Цзан Е замер и, подражая Хуайлину, принялся изучать присутствующих в поисках Ян Бинхуая. Насладившись его позором сполна, Янь наконец соизволил подняться и лениво подошел к нему.

— Может, господин пока развлечется с ними, а я поищу нашего Яна?

Цзан Е окинул его ледяным взглядом:

— Не паясничайте.

Услышав, как Хуайлин называет спутника «господином», наложники тут же подхватили: «Господин, о господин!», отчего суровый воин, который почти никогда не выражал эмоций, явно замешался.

Но Хуайлин, вместо того чтобы помочь, подлил масла в огонь:

— Этот господин — герой многих сражений, в том числе и альковных. Если хотите заслужить его благосклонность, придется вам постараться!

— Молодой господин Янь! — Цзан Е вспыхнул от гнева.

Хуайлин лишь расхохотался в ответ. Изводить Цзан Е было истинным удовольствием — он был

готов заниматься этим до самой старости.

Пока они препирались, в залу вошел рослый, широкоплечий мужчина. Окинув взглядом оживленную толпу, он крикнул хозяину:

— Эй! Где Гуань Цзи? Позови его, я хочу его сегодня!

Услышав это, хозяин поспешил навстречу:

— Ой, молодой господин Ян! Вот и вы! Мальчики уже заждались!

При звуке фамилии «Ян» Хуайлин и Цзан Е одновременно обернулись. Мужчина огляделся и, заметив в углу тихо сидящего юношу, размашистым шагом направился к нему.

Хуайлин, наблюдая за этим, притянул к себе одного из наложников и с притворным интересом спросил:

— Гуань Цзи? Это ваш лучший артист?

— Он самый.

— А что за молодой господин Ян?

— Похоже, он из личных людей лунного лингуаня Ван Цзяня.

— Его зовут Ян Бинхуай?

Наложник взглянул на Яня и подтвердил:

— Да, это он.

Помимо пяти великих лингуаней государства Дау, в каждой провинции были десятки и сотни «лунных лингуаней». Они ведали мелкими делами на местах и регулярно отчитывались перед великими. В народе их называли «малыми лингуанями».

— Благодарю, — Хуайлин с улыбкой приобнял наложника за талию, ничуть не смущаясь, поцеловал его в лоб и сунул в руку горсть монет.

Цзан Е, наблюдая за этой отточенной сценой допроса, лишь неодобрительно нахмурился.

Тем временем Ян Бинхуай уже подхватил под руку Гуань Цзи, чье лицо оставалось холодным и безучастным, и направился к лестнице. Хуайлин хотел было двинуться следом, но увидел, как Цзан Е, отстранив преграждавших путь юношей, сам устремился к ступеням.

— Ах, господин, ну куда же вы! — голоса разочарованных наложников заставили его на миг замереть.

Но на сей раз он не стал медлить. Легко оттолкнувшись от пола, он на глазах у всей изумленной публики взмыл в воздух и бесшумно опустился на втором этаже, прямо перед Ян Бинхуаем.

— О-о-ох!..

Люди внизу так и ахнули. Хозяин заведения побелел как полотно, решив, что этот мастер пришел громить заведение.

Хуайлин поспешил вмешаться:

— Не пугайтесь! Мой брат просто без ума от вашего лучшего красавца и не желает делить его ни с кем!

Наложники понимающе прижали руки к груди, и на их лица вернулся румянец. Хозяин же лишь беспомощно развел руками:

— Но молодой господин Ян заплатил немало, чтобы занять Гуань Цзи... Мы тут не властны.

Хуайлин пожал плечами:

— Что ж, теперь всё зависит лишь от удачливости вашего артиста.

Тем временем наверху Ян Бинхуай и его спутник Гуань Цзи едва не лишились чувств от неожиданности.

— Не вы ли тот самый Ян Бинхуай, что когда-то учился у Цянь Чэньцзюня?

Аура Цзан Е была столь мощной, что он казался не гостем, а стражником, пришедшим за вором. Гуань Цзи, дрожа, уставился на профиль гвардейца и внезапно замер, замороженный его суровой красотой.

— Вы... вы ошиблись, — Ян Бинхуай попытался увести Гуань Цзи, но Цзан Е преградил путь рукой.

— Молодой господин Ян, не бойтесь. Я пришел не за тем, чтобы чинить вам препятствия. У меня лишь пара вопросов.

— Каких еще вопросов... Я же сказал, вы ошиблись! — Заметив, что Гуань Цзи смотрит на пришельца как на божество, он прижал юношу к себе крепче: — Это мой человек на сегодня! Даже если он вам приглянулся — ничего не выйдет!

Цзан Е даже не взглянул на Гуань Цзи.

— Я не питаю страсти к мужчинам, молодой господин Ян, можете быть спокойны. Позвольте ли вы мне переговорить с вами наедине?

Ян Бинхуай, разумеется, не хотел ударить в грязь лицом перед любимым артистом. Он выпятил грудь и крикнул:

— А если не позволю, что ты мне сделаешь?!

— В таком случае, прошу простить за грубость.

Едва эти слова сорвались с губ, Цзан Е легко коснулся рук Ян Бинхуая. Тот не успел и глазом моргнуть, как охнул: его руки безвольно повисли плетью. Гуань Цзи, освободившись из его объятий, в ужасе бросился вниз по лестнице.

— Гуань Цзи! — Видя, что добыча ускользает, Ян Бинхуай в ярости попытался ударить Цзан Е ногой.

Тот остановил удар одним лишь кончиком пальца. Слегка направив силу, он отбросил Ян Бинхуая, и тот, перелетев через перила, рухнул вниз.

Толпа внизу вскрикнула. Хуайлин, улучив момент, метнулся вперед и ловко подхватил падающее тело, попутно запечатав акупунктурные точки противника.

Оказавшись полностью обездвиженным — лишь рот мог шевелиться — Ян Бинхуай взмолился:

— Герой, пощади! Что прикажете — всё исполню! В огонь и в воду за вами пойду!

Рассмеявшись, Хуайлин опустил его на пол. Раскрыв веер, он с мягкой улыбкой произнес:

— Брат Ян, если бы ты сразу проявил такую рассудительность, не пришлось бы тебе сейчас терпеть эту немощь, верно?

— Истину глаголете, герой! Истину!

«С этим парнем всё ясно», — подумал Янь. Он бросил взгляд на Цзан Е: тот с прежним бесстрастным лицом неспешно спускался по лестнице. Окружавшие его юноши смотрели на гвардейца с нескрываемым обожанием, едва сдерживаясь, чтобы снова не облепить его. Вокруг Хуайлина тоже собралось несколько человек, но вниманием он был явно обделен.

Хозяин заведения с виноватым видом потянул Хуайлина за рукав:

— Господин... Вы в первый же вечер устроили у нас такой переполох. Если другие гости увидят — торговле конец.

Хуайлин понял намек на возмещение убытков. Взглянув на второй этаж, он спросил:

— Найдется ли у вас свободная комната для разговора?

— Это...

— Я заплачу вдвое, — Хуайлин сорил деньгами не считая. — И за сломанные перила — отдельно.

— Правда?! — глаза хозяина заблестели.

— Истинная правда.

Хозяин, сияя от счастья, поспешил приготовить комнату. Хуайлин и Цзан Е, окруженные толпой наложников, втащили Ян Бинхуа в покои. Янь хотел было посмеяться над неловкостью Цзан Е в таком месте, но, глядя на то, как тот спокойно готовится к допросу, почувствовал лишь легкий укол ревности.

— Герой, если вам не трудно, развяжите мне точки... — усевшись на стул мешком, Ян Бинхуа принялся нудно канючить.

— Сначала ответишь на вопросы, тогда и освободим, — коротко отрезал Янь Хуайлин.